

Иероним Ясинский

Далида

Иероним Иеронимович Ясинский

Далида

«В синем небе вспыхнули звёзды. Брызнул лунный блеск, рассыпавшись на листве серебряными пятнами. От дома выросла тень; садик дремал, и всё погрузилось в сон...

И город заснул...»

Иероним Ясинский

Далида

В синем небе вспыхнули звёзды. Брызнул лунный блеск, рассыпавшись на листве серебряными пятнами. От дома выросла тень; садик дремал, и всё погружалось в сон...

И город заснул...

А молодая девушка сидела у низенького окна, в своей комнатке, и ей не спалось. Опираясь на локоть и держа бочком голову, в ладони, она смотрела в глубину садика, туда, где лунный свет белел в узких прогалинах, меж кустами, меж деревьями, спокойно простёршими сонные, причудливо изогнутые ветки. Тревожные мысли были у неё.

«Придёт ли? Что задержало? Не отложил ли? Или уж уехал? И забыл? Меня, меня забыл??. Господи, если б отложил! Зачем идти туда?.. Ну, конечно, он честный... Однако... Мы могли бы быть счастливы... И мирно прожили б и даже приносили бы пользу... Он бы служил по земству... Мировым судьёю... А я открыла б мастерскую или там что-нибудь... Или просто мы жили бы в благодатной Песчанке... на хуторе... И так состарились бы, любя друг друга, всеми уважаемые, довольные скромной долей»...

Она вздохнула.

«Ах, этот Гвоздев!.. Это он подбил Гришу.. Помогут?.. Разбудят спящих?.. Что с тобой будет, Гриша, голубчик?!»

На подоконник упала слезинка, тихо как дождевая капля.

«Что ж он не идёт?.. Хоть поговорил бы на прощании... Или боится?»

Она вспомнила о своём отце. Враг молодёжи, он бледнел и бил себя в грудь, когда Гриша спорил с ним. А заметив, что тот в дружбе с его дочерью, перестал принимать его.

«Боится... или презирает... вот что!! Гриша презирает дочь исправника!»

Она усмехнулась обиженно. Но ей стало стыдно этой усмешки. Лице её загорелось.

«Не то, не то! Гриша знает меня... Прости меня, голубь мой, что я так подумала о тебе!.. Нет! Ему... действительно, опасно... Не ходи, Гриша, не ходи!.. Лучше я к тебе приду... Только скажи!.. Да подожди хоть два денька... Ах, что это за ужас такой!.. Неужели мы расстанемся навсегда? И не увидимся?.. Гриша, милый, и не увидимся?!»

Она печально покивала головой, и снова

упала её слезинка на подоконник.

Но шелест раздался в садике. Девушка встрепенулась. Шелест повторился, она высунулась из окна до половины, и он увидел её. Он увидел её светлое платье и маленький овал лица, чёрные локоны, и тихо подошёл, улыбаясь.

Девушка прошептала: «Гриша!» Руки её, тонкие и круглые, голые до локтей, обвили его шею, а горячие губы, прижались к его губам, до половины прикрытым мягкими усами.

– Гриша! Дорогой мой соколик! – говорила она радостно, задыхаясь. – Милый, милый! Ты пришёл-таки? Гриша!

Смуглое лицо её сияло красотой в прозрачном сумраке ночи, любовно глядели её большие глаза, полные слёз, узкие плечи были чуть приподняты, голова склонена на бок.

– Гриша! Почему ж ты меня не забыл? – продолжала она шутливо и робко.

Он гладил её руки, смотрел на неё и молчал.

Это был юноша среднего роста, грудастый и стройный. Из-под его тёмной шапочки па-

дали светлые волосы. Взгляд блестел, жидкая бородка шла клином. Углы губ, при улыбке, поднимались.

– Гриша, так неужели завтра? – спросила она, нагибаясь к нему.

– Завтра!

– И тебе не жаль?

– Тебя жаль, да...

Она нежно положила обе руки на его плечи.

– Гриша!

– Что, Соня?

– Гриша, хочу тебя попросить...

Он улыбнулся.

– Знаю о чём. Не проси!..

– Нет, вот что...

Она приблизила к нему лицо, так что он почувствовал тепло её дыхания.

– Остайся на недельку... Обдумай, Гриша! На недельку!..

– Я уж обдумал, – отвечал он, ловя её поцелуй. – Соня, я всё обдумал. Не может быть возврата! Я крепкая, здоровая особь. У меня – и смётка, и сильные мышцы. Не жить мне безмятежно, Соня, когда стон кругом. Нет! Надо

отдать себя делу. Судьба, Соня! Погибнуть придётся – и погибну... Солдат, ратник... А ты не смущай...

Он осыпал её новыми поцелуями.

– Гриша, подожди! – начала Соня, кладя его руку себе на грудь. – Помнишь, что ты говорил прежде?.. Гришуха... Как же... Ведь ты... Ах, Гриша! Ты даже...

Она показала ему на мизинце колечко с тёмным камешком.

– Вспомнил теперь?.. Тогда мы ещё на вы были... Ты говорил о том, как мы заживём славно... Я всё думала с тех пор... Какое дело, что отец не согласится?.. Факт налицо – так тут уж ничего не скажешь... Правда, Гриша?

– Правда, правда... Только ты не смущай, говорю! – сказал он, улыбаясь, чувствуя бие-ние её сердца. – А я виноватым себя не признаю. Да, хотелось бы... Отчего ж! Это верно, Соня, что были б мы счастливы... Мы молоды, и хочется нам жить... Да имеем ли право? Соня, об этом думала ты?

– Думала, голубь... – отвечала девушка дрожащим шёпотом. – Милый! Что сразу сделаешь, что понемножку – не всё ли равно?.. От-

чего ж ты избираешь такую дорогу?

– Э, стара? песня, Соня! – произнёс молодой человек, глянув в сторону.

– Ты недоволен? – спросила она робко. – Не следовало бы, может, говорить такое на прощанье? Ах, Гришуха, милый! Не могу я... Болит душа... В груди точно лёд... Дорогой!.. Прощу тебя... На недельку!..

Она посмотрела ему в глаза. Локон её волос – мягкий и душистый – пробежал по его лицу. Губы его загорелись, ум помутился. Он с тоской отвечал на поцелуи...

– Останешься? – спросила она.

– Нет! – прошептал он, не выпуская её стана, любуясь ею. – Что говорить! Кончено!

Тогда она отстранилась от него и стояла неподвижно, потупив ресницы.

– Прощай, Соня! – горестно сказал молодой человек. – Милая, дорогая, не сердись на меня!.. Прощай, Соня!.. Эх, Соня!.. Послушай, Соня, что я тебе скажу... Послушай!

Она повернулась к нему и протянула руку.

– Гриша, родной...

– Вот слушай же! – сказал он, хватая её руку. – Ты думаешь, может, иду я с ясной душой,

радостный? Нет! Болит сердце... Знаю: несладко там. Знаю, чем это кончается. Вот я теперь крепкий, бодрый... А через два-три года могу сделаться хилым, дряблым! Видел я раз в суде такого старика: ему было всего двадцать пять лет, а он был глух и сед... Не могу забыть его! Так вот, Соня, что ж ты меня ещё смущаешь? Значит, сила есть повыше всяких личных оскорблений, и она толкает. Соня, простимся по-братски...

Она поцеловала его, и оба они замолчали под наплывом печальных мыслей.

Луна вошла. Клубами палевого дыма висели там и сям прозрачные облака. Издалека доносился шум водяной мельницы.

– А хорошо было бы! – тихо начала Соня.

– Да...

– Знаешь... Мне от бабушки достался хутор... – продолжала девушка, поправляя волосы и обнажая локоть кокетливым движением руки вверх. – Песчанка... В пяти верстах от железной дороги... лес... речка, с жёлтым дном... Отлично купаться!.. Мебель такая пузатая, смешная... Но уютно. А на стенах картинки. Есть модные – тридцатых годов... или

двадцатых... Милая старушка была бабушка! Угощала отличным вареньем и грибами в сметане... Есть там ещё сад... большой!.. Много фруктовых деревьев... Вот какая я собственница! Роз много, сирени, черёмух, всего. Соловьи так и гремят – всю весну... Так вот, Гришуха! Мне снилось вчера, что мы там с тобой поселились... Я так живо это видела! Идём мы с тобою, радостные, по опушке леса, а солнце заходит... Свет розовый... Гриша, милый! – заговорила она, восторженувшись. – Не сердись, что я болтаю так... Но ведь приятно помечтать... хоть во сне... Правда?..

Он вздохнул задумчиво.

– Гришечка! – сказала она вкрадчиво, садясь на подоконник, обнимая молодого человека за шею и наклоняясь к нему. – Ну, вообрази, милый!.. Ну, ты только себе вообрази!..

– Да что, Соня... – произнёс он, пьянея от её прикосновения и припадая к ней, сжигаемый стыдом...

– В самом деле, Гришечка...

Она смотрела на него с неподвижной улыбкой.

– Прощай, Соня!..

– Не пущу! – страстным шёпотом крикнула она.

Он понурил голову.

– Голубчик! – начала она. – Ведь что же тебе? Только недельку... Ведь можно бы... А то и не увидимся больше!.. Ну?.. Что же ты?.. Дорогой, прошу тебя, милый, прошу тебя!

– Слово дал... – пробормотал он.

– О, милый!..

Он поднял глаза. Волосы её рассыпались по плечам. Лоб бледнел, облитый лунным сиянием. Длинные ресницы кидали на щёки мягкие тени. Губы алели соблазнительно над маленьким подбородком – изящным и нежным. И поворот её тела – стройного, воздушного, змеиного – будил желание.

– Я тебя крепко люблю!

– Любишь?.. Крепко?..

Он поцеловал её.

– Так ты мой?

– Твой...

– И я твоя...

Он молчал.

– Слышишь? – сказала она.

– Я останусь... на неделю...

Она обняла его и шепнула ему в ухо, горячо дыша:

– Иди сюда... Ко мне... Иди милый...

– Сонечка...

– Иди... иди же...

– Сонечка...

Она крепко прижалась к нему и капризно всхлипнула.

– Иди!

Он влез в окно.

Ночь смотрела в спальню девушки.

– Знаешь... – начала Соня, – ну, вдруг... застанут... нас...

– Запри дверь.

– Запереть?

Подкравшись, она повернула ключ в дверях с лёгким звоном...

– Тсс...

Звёзды потухали, мерцая в редющей лазури. Щebetали птицы. Сумрак становился розовым, и ветер колебал волосы на влажных висках Сони, опять стоявшей у окна и прощавшейся со своим Гришей. Лицо его, молодое и бледное, смотрело кротко и покорно. Глаза сияли счастьем.

– Так до завтра?

– Нет...

– Как, Гриша?

– Милая, я с тобой не расстанусь!..

Соня покраснела от радости и поправила на груди смятую, с разорванной петелькой оборку.

– Это измена, Соня! – продолжал он. – Знаю... Но, значит, я не гожусь на серьёзное дело. Не могу тебя бросить, не могу... Соня, мы повенчаемся... Скорей... Соня, дай руку!

Она протянула ему обе.

– Устрой как-нибудь. От тебя зависит. Скажи отцу, или и без отца... Всё равно. Только скорей... Соня не могу жить без тебя... Прощай! Днём свидимся. Поцелуй же меня, голубочка!

Она подставила ему губы.

– Мы будем счастливы, счастливы, Гришечка! – шептала она в умилении.

Он ушёл.

Жизнь вдруг развернулась перед ним, радужная и сверкающая. Он был полон неги, сладкая лень разливалась по его жилам. Ему хотелось вечного праздника, непрестанного

созерцания красоты. Поцелуи и шорох объятий звучали для него как музыка... Волшебным сном казалось ему случившееся, невероятно-блаженным. Очаровательной грёзой рисовалась ему эта ночь. Он шёл и любовался природой, вдыхая влагу прозрачного утра, глядя на небо, где розовым руном рассыпала заря свой бодрящий свет, и где робко зажигались золотые лучи солнца...

Дома он разбудил Гвоздева и объяснил откровенно, какой оборот приняли его дела. Тот долго скрёб за пазухой, чесал лохматую голову и, наконец, на уверение приятеля, что он всегда будет сочувствовать, отвечал, блеснув рыжими глазками, с презрением:

– Так... так... Убирайся ты со своим сочувствием... Мерзец!

Встав и набрав воды в рот, он начал умываться.

Одевшись, он расчесал волосы мужицкой гребёнкой и напился чаю, причём съел целую булку. Он вовсе не обращал внимания на приятеля. Но когда во двор въехала подвода, Гвоздев подошёл к другу и произнёс:

– Не тово?.. Не раздумал?.. Эй, ты?

– Прости меня, не могу...

– Ну, счастливо оставаться!

Они поцеловались. Гвоздев на пороге сказал:

– А я всегда за тебя горой стоял! Хоть уверяли и спорили, что из тебя добра не будет... Хвостун, говорили, краснобай...

Тот молчал.

– Брехал я им на тебя... Дескать золото – не человек... Прощай!

– Прощай. Считаю другом.

– Ла-дно, – протянул Гвоздев.

Он взял котомочку, сел в телегу и уехал, не оглянувшись...

Январь 1881 г.